

И я, татарского владыки дочь,
Пока еще не наступила ночь,
Вас излечу от вашей злой кручины.
Не утаите лишь ее причины.
Я верю, что поможет мне господь,
Найду и травы я, что вашу плоть
Истерзанную быстро исцелят».
Тут птица дважды вскрикнула подряд
И камнем наземь рухнула. Однако
Ее с земли подобрала Канака,
И та, очнувшись в ласковой руке,
Промолвила на птичьем языке:
«Что благородная душа к несчастью
И горю ближнего полна участия,
Мы это видим в жизни каждый миг
И знаем не один пример из книг.
Присуща жалость душам благородным.
Я вижу, о принцесса, что природным
Вы свойством доброты одарены
И что ко мне вы жалости полны.
Вам расскажу я про свою беду
Не потому, что облегченья жду,
Но идя вашей доброте навстречу.
Еще затем подробно вам отвечу,
Чтоб оградить других от лишних слез
(Как льва предупредил когда-то пес).
Послушайте же исповедь мою,
Покуда жизнь в себе еще таю».
Пред тем, как птица начала рассказ,
Канака так слезами залилась,
Что попросила та пресечь рыдания
И приступила так к повествованью.
«В пещере мраморной, где родилась
На белый свет я в злополучный час,
Жизнь ясно улыбалась мне вначале;
Не знала я ни горя, ни печали,
Пока не воспарила к небесам.
Недалеко от нас жил сокол там,
Который мне казался благородным,
Хотя на деле был лжецом негодным.
С таким искусством этот подлый тать
Умел свой нрав предательский скрывать,
Такое мне оказывал вниманье,
Что избежать его очарованья
Никто б не мог. Как змей из-под цветов
Подстерегает, укусить готов,
Так этот обольститель лицемерный,
Личиной вежливости беспримерной
И послушания всегда покрыт,
Хранил обманный благородства вид.
С красивым гробом был он схож, в котором
Смердящий труп лежит, не зримый взорам.
Его вся внешность так всегда полна
Была притворства, что лишь сатана
Проникнуть мог бы в смысл его речей,